

5. Там же. – С. 343.
6. Розанов В.В. Гоголь и Петрарка // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 658.
7. Там же. – С. 659.
8. Там же. – С. 658.
9. Розанов В.В. Апокалиптика русской литературы // Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 675–676.
10. Розанов В.В. Загадки Гоголя... // Указ. ист. – С. 344.
11. Там же. – С. 337.
12. Там же. – С. 337.
13. Там же. – С. 337.
14. Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 400.
15. Там же. – С. 401.

Е.С.Анненкова

Еще раз к вопросу о западничестве И.С.Тургенева в аспекте Пушкинской речи писателя

А.Блок в своих знаменитых "Скифах" написал удивительные по значительности вложенного в них смысла слова: "Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений", а Вл.Соловьев выразил ту же мысль в более категоричных выражениях: "Настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец. Мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие". Иван Сергеевич Тургенев, пожалуй, как никакой другой русский художник, мог бы подписаться под этими словами. И удивительно, что Федор Михайлович Достоевский, так искренно воспевавший "всемирную отзывчивость" русского человека, не принимал именно этого качества у собрата по перу Ивана Тургенева.

Тургенев был одним из самых последовательных западников и либералов, и декларации писателя собственных политических и мировоззренческих позиций никогда не расходились с его гражданским поведением: "Я все-таки европеус – и люблю знамя, верую в знамя, под которое я стал с молодости" (письмо к А.И.Герцену от 13 (25) ноября 1862; [1, т. V, с. 73]). Тургенев не был политическим деятелем, он был убежден в том, что "посильную пользу приносить могу я только как писатель, как артист" [1, т. V, с. 279]. Оксфордский университет, как известно, в 1879 г. наградил Ивана Сергеевича почетной степенью доктора естественного

права как раз за "литературные заслуги", за "Записки охотника", что было для скромного Тургенева "честью столь же великой, сколь неожиданной" [1, т. XII, кн. 1, с. 88]. Общемировую известность он также заслужил именно благодаря своему писательскому дару. Иван Тургенев был первым из живших на Западе русских писателей, который так много сделал для знакомства и сближения русского общества с европейской культурой и соответственно России с выдающимися писателями Европы. Академик М.П.Алексеев называл Тургенева "пропагандистом русской литературы" на Западе, а современная исследовательница творчества писателя Н.П.Генералова подчеркнула, что "в течение многих лет он (Тургенев – Е.А.) был послом России в Европе и Европы в России" [2, с. 8].

На Западе Тургенев был признан выдающимся русским писателем уже начиная с 1860-х годов, причем не только в Европе считали его вдохновенным поэтом, но слава его дошла и до Нового Света. Успех, который имели в Америке его произведения, был грандиозным и прочным, что не переставало искренно удивлять писателя. На Западе Тургенева воспринимали исключительно как русского писателя, как носителя русской культуры и традиций, в России же постоянно упрекали в отсутствии любви к родине, в равнодушии к ее "духовной самобытности", в "подражании" Западу, в "отрыве от почвы". Дж.Голсуорси писал: "Старательно причисляя Тургенева к "западникам", они (критики) не замечали, что не столько Запад повлиял на него, сколько он на Запад. Тургенев достиг исключительного положения сам по себе: он был поэтом от природы, самым утонченным поэтом, который когда-либо писал романы. Именно это отличало Тургенева от его великих русских современников и объясняло его выдающееся место в литературе и влияние на Запад" [3, с. 7]. Близкие французские друзья Тургенева подчеркивали его русскость, Ги де Мопассан прозорливо писал: "Люди, подобные ему (Тургеневу – Е.А.), делают для своего отечества больше, чем люди вроде князя Бисмарка: они стяжают любовь всех благородных умов мира" (выделено – Е.А.) [4, с. 52]. Генри Джеймс, пламенный почитатель таланта русского писателя, как и Мопассан, знавший его лично и называвший его "великим москвитом", в некрологе о Тургеневе так выразил значение творческой деятельности писателя: "Он кажется нам "неограниченным своей личностью" потому, что, пожалуй, только из его сочинений мы, говорящие на английском, французском и немецком языках, получили <...> представление о русском народе. Гений Тургенева воплощает для нас гений славянской расы, его голос – голос тех смутно представляемых нами миллионов, которые <...> ждут своего часа, чтобы вступить на арену

цивилизации" [5, с. 7]. Вопрос же о предназначении "славянской расы", или "русская идея", был для России последней четверти XIX века предельно актуальным, он выходил из плоскости чистой политики, становился животрепещущей религиозно-философской идеей, захватывая все сферы жизни мыслящей интеллигенции. Поэтому эта проблема не обошла стороной и литературные празднования, посвященные открытию памятника А.С.Пушкину в Москве в начале июня 1880 г., в которых принял участие и Тургенев (в связи со смертью Великой Императрицы Марии Александровны, жены Александра II, торжества были отложены на неделю и начались 7 июня 1880 г.).

Иван Тургенев был трагической фигурой на горизонте русской общественной мысли. Это было связано не только с его необыкновенной личной судьбой, его оторванностью на многие годы от горячо любимой родины. Во многом это объяснялось выраженным своеобразием и непоколебимостью его общественно-философской позиции, которой обуславливалось его практическое одиночество среди многих русских общественных и художественных деятелей, сумевших найти поддержку своим взглядам в определенных, хоть и немногочисленных, кругах русского общественного движения. Тургенев чаще всего оставался непонятым и как писатель, которого надо было разгадывать, ибо он не выдавал готовых жизненных формул и не проповедовал, скорее ставил вопросы, нуждающиеся в серьезном обсуждении и глубоком понимании, весь состоял из полутонов и чувства такта, и как гражданин, свободная и открытая позиция которого не удовлетворяла желающих получить радикальные ответы на вечные русские вопросы "что делать?" и "кто виноват?". Тургенев давно привык к тому, что на родине он чаще является удобной мишенью для ударов и, сильно переживая это, тем не менее от своих либеральных и западных воззрений не отступал. В очередной раз приехав на родину в 1880 г. и получив приглашение выступить на Пушкинских торжествах, он с радостью согласился сказать слово о своем любимом русском поэте, не собираясь при этом подлаживаться под общий тон кипящей радикальными идеями русской жизни. Открытие памятника величайшему русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину было примечательнейшим событием в жизни русского общества, и общественные деятели и русские литераторы готовились к нему с большой ответственностью и тщательностью. На эти торжества возлагались большие надежды, связанные с примирением всех ведущих общественных сил русской интеллигенции, которое было необходимо России в непростых условиях накалявшейся общественно-политической жизни.

Тургенев еще раз воспользовался возможностью донести свои мысли о великом русском поэте и, конечно же, о России, русской прогрессивной молодежи, и в очередной раз оказался в одиночестве, ему привычно достались непонимание и упреки в недооценивании всего русского, лавровый венок же достался Федору Достоевскому.

Но так ли полярно расходились взгляды двух гениев русской литературы, так ли непреодолимы и непримиримы были противоречия, которые уже день спустя после взаимных рукоплесканий и поздравлений, легли окончательно разъединяющей чертой на непростые отношения этих великих русских писателей?!

Примечательно, что И.Тургенев и Ф.Достоевский, будучи действительно очень разными людьми и абсолютно полярными талантами, сходились в некоторых принципиальных позициях. Это касается не только приверженности обоим монархической власти¹, в признании за царем законных прав и реальных возможностей управления Россией, что обусловливалось пониманием национального своеобразия России². Важно именно то, что оба они осознавали необходимость единения русского народа с семьей европейских народов³, что нашло подтверждение как раз в речах, произнесенных ими на московских торжествах. Оба писателя сходились и в признании того, что А.С.Пушкину принадлежит величайшая заслуга в деле самоопределения русской нации и становления ее самосознания, оба подчеркивали национальный и народный характер творчества поэта, общим был и философский смысл речей. Но их историческая направленность, их тональность и реакция публики на

¹ Тургенев писал: "Я либерал с давнего времени, но я и монархист тоже с давнего времени..." [V, с. 418], и позже писатель уточнял, что он "либерал династический, который никакой другой возможной реформы не признает, как реформы, исходящей сверху..." [1, т. XII, кн. 1, с. 174].

² Русский философ И.А.Ильин так писал о монархическом устройстве России, которое проистекало из "бытия России": "Нет ничего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную форму, которая не соответствует его правосознанию (например, вводить монархию в Швейцарии, республику в России, референдум в Персии, аристократическую диктатуру в Соединенных Штатах и т.д.)" (Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. – 1991. – №4. – С. 128–129).

³ Ф.Достоевский писал в январском выпуске за 1877 г. "Дневника писателя": "...нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – и я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя..." (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972 – 1988. – Т. XXV. – С. 20, 23).

выступления разнились, что можно сказать и о придаваемом им значении в современном литературоведении. Главным пунктом расхождения было понимание писателями роли русского народа и России в судьбе современной Западной Европы. Ф.Достоевский со всем пламенем своего сердца высказал мысли о великом и особенном назначении русского народа, которому предназначено свыше воссоединить все человечество, все нации мира, причем объединиться народы должны будут под знаменем православной веры. Тургенев не мог ни поддержать, ни понять Достоевского в этой его идее, так как никогда не жил иллюзиями и не страдал утопическими фантазиями, а был, по верному замечанию блестящего русского ученого П.Б.Струве, "необыкновенно острым по своему историческому и политическому зрению человеком", свободным от ловушек максимализма, от "ошибки короткого замыкания" [6, с. 96].

Известный критик Н.Страхов выделил такие основополагающие компоненты речи Ивана Сергеевича Тургенева и реакцию публики на него: "Главный пункт, на котором остановилось общее внимание, состоял в определении той ступени, на которую Тургенев ставил Пушкина. Он признавал его вполне народным, т.е. самостоятельным поэтом. Но он ставил еще другой вопрос: есть ли Пушкин поэт национальный. <...> Все это и другое подобное было иным не совсем по душе. В группе деятельных участников торжества пронеслось чувство некоторой неудовлетворенности, неясной досады" [7, с. 685].

Иван Тургенев был далеким от ортодоксальных взглядов и навязчивых проповедей человеком, как уже было сказано, он был сдержанным, искренним и свободным в оценках. Как замечательно выразился в "Апологии сумасшедшего" глубокий мыслитель и друг А.Пушкина П.Я.Чаадаев, "прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – это любовь к истине". Тургенев всегда руководствовался критерием объективности и правды. И в речи, произнесенной им на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня 1880 г., он от своих принципов не отступил, а как раз обоснованно оформил и подытожил уже давно назревшие мысли о "великом учителе", как он всегда величал Пушкина. Тургенев готовился к речи серьезно, продумывая каждое ее положение, но именно в связи с глубокой сосредоточенностью и ответственностью, с которыми он взялся за дело, небольшая брошюра, в которую оформилась речь, "вышла уже вовсе не для народа <...>, а для людей культурных..." [8, с. 682], которые так же мало поняли ее искреннее и истинное содержание, как и "народ".

Н.Генералова верно подметила, что содержание Пушкинской речи Тургенева во многом было сформировано под воздействием идей В.Белинского. Поэтому неслучайны в тексте речи упоминания о самобытном русском литераторе, которого так почитал писатель (кроме того, критик умер 26 мая, в день рождения Пушкина). В.Белинский считал, что своему развитию, своим "примечательным поэтическим именам" русские обязаны соприкосновению с Европой, огромная роль в этом принадлежала Петру Великому, о котором также в своей речи вспоминает Тургенев. О грандиозной деятельности Петра Великого в своем выступлении говорит, кстати, и Достоевский, приписывая именно этому человеку-гиганту пробуждение русского самосознания. Опираясь на Белинского, который первым объявил Пушкина "величайшим и по преимуществу национальным русским поэтом", и Тургенев назвал Пушкина "первым русским художником-поэтом", поясняя, что "самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа" [9, с. 303]. Для Тургенева духовная принадлежность к своему народу была высшей похвалой. Этим писатель признавал исключительность заслуги Пушкина, которому выпал жребий вести русский народ в семью других мировых народов, выразив его душу в вечных художественных формах. Тургенев подчеркнул, что Пушкин благодаря сочетанию особой "восприимчивости" и "самодетельности" сумел открыть миру своеобразие русской ментальности. "Самодетельности", т.е. независимой свободе духа, обязан поэт, по мнению Тургенева, и тем, что он "освободился и от подражания европейским образцам и от соблазна подделки под народный тон". Потому то Пушкин и является "великолепным русским художником", только русским, т.е. именно с его именем, с его творчеством стало возможно ассоциировать Россию. Ибо, как писал И.А.Ильин, "жизнь народного духа находит себе в творчестве гения сосредоточенное и зрелое выражение. Гений говорит *от* себя, но не за себя только, а за весь свой народ <...>, ибо слово его *рождено духовным актом национального строения и несомно подлинным ритмом народной жизни*" [10, с. 229].

Основной, самый серьезный упрек, который бросали Тургеневу, заключался, как уже было сказано, в том, что он так и не осмелился назвать Пушкина "национально-всемирным поэтом", "национальным поэтом в смысле всемирного" [9, с. 304]. Но Тургенев указал на главное, что сумел сделать великий поэт: "установить язык и создать литературу", так как, по мнению писателя, только "художество как воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию, – составляет одно

из коренных свойств человека". Пушкин же выразил "музыку духа" (И.Ильин) своего народа, которая всегда своеобразна у каждой нации, и благодаря этому гений Пушкина и стал явлением общечеловеческим: "Но только тогда, когда творческой силою избранников народ достигает сознательно-полного, своеобразного выражения своего искусства, своей поэзии – он тем самым заявляет свое окончательное право на собственное место в истории; он получает свой духовный облик и свой голос – он вступает в братство с другими, признавшими его народами"⁴.

Тургенев сказал многое, но все-таки не договорил до конца, не поддался соблазну превознести до уровня Шекспира или Гете, заслуженно или нет, русского поэта, и тут, как мне кажется, сказалось свойство его скептически настроенного и вечно сомневающегося ума: "...мы не решаемся дать Пушкину" "название национально-всемирного поэта", "хоть и не дерзаем его отнять у него". Он лишь выразил надежду, что явится в России еще тот "неведомый избранник, который превзойдет своего учителя – и заслужит вполне название национально-всемирного поэта..." [9, с. 307]. Моя мысль находит свое подтверждение в высказывании уже упомянутого П.Б.Струве, который проникновенно писал о Тургеневе следующее: "Представьте себе поэтический дух Платона во власти или, вернее, под властью скептицизма – и вы получите Тургенева. <...> Тургенев чаял высший мир идей-образцов и – целомудренно боялся верить в них и прикидывать к ним жалкие тени подлунного бытия. Это странное сочетание стремления ввысь, в мир вечных "идей", с трезвым, а подчас и разьедающим анализом низменной действительности ярко сказалось и в художественном творчестве, и в политическом мышлении Тургенева" [11, с. 279].

Ф.М.Достоевский, благоговейная любовь которого к Пушкину хорошо известна, в своей речи также назвал его "великим народным писателем", т.е. таким, который максимально емко и полно раскрыл душу своего народа. Достоевский считал Пушкина "первым русским человеком", который "приходит в самом начале правильного самосознания нашего",

⁴ Удивительна едва ли не буквальная перекличка взглядов художника-Тургенева со взглядами на проблемы важности сохранения национальной самобытности мыслителя И.А.Ильина, который писал об этом следующее: "Каждое истинное духовное достижение – в звании, и в добродетели, в религии, в красоте или в праве – есть достижение *общечеловеческое*, которое способно объединить на себе взоры, и чувства, и мысли, и сердца *всех людей*, независимо от эпохи, нации и гражданской принадлежности". (Ильин И.А. Путь духовного обновления. – С. 252.)

который первым в романе "Евгений Онегин" воплотил "настоящую русскую жизнь" и "положительный тип русской женщины". Но Достоевский, будучи отягощенным определенными партийными привязанностями (а он причислял себя к "русской партии", члены которой особенно пламенно верили во вселенское предназначение русского народа), со всей пафосностью своего гения, которая и породила безудержность его выступления и затмила определенную схожесть взглядов его и Тургенева, назвал "всемирную отзывчивость" Пушкина, его способность "перевоплощения своего духа в дух чужих народов" едва ли не определяющим фактором его гениальности, его величия, увидел в этом выражение "национальной русской силы". Но и Тургенев выразил схожую мысль, только в более спокойных выражениях, связав восприимчивость Пушкина с присущей ему глубокой национальной самобытностью: "...Пушкин был центральный художник, человек близко стоящий к самому средоточию русской жизни. Этому его свойству должно приписать и ту мощную силу самобытного присвоения чужих форм, которую сами иностранцы признают за нами..." [9, с. 303]. Для подтверждения своих мыслей оба писателя приводили известные и почти одинаковые примеры из пушкинского творчества, которые подтверждали их тезис о "всемирной отзывчивости" русского поэта: Тургенев упомянул "Скупого рыцаря", "под которым с гордостью подписался бы Шекспир", Достоевский же и "Скупого рыцаря", и сцены из "Фауста", "Пир во время чумы", и "Дон Жуана", утверждая, что, "если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец" [12, с. 455], хотя последний комплимент представляется несколько сомнительным.

Для понимания же причин расхождения писателей в оценках пушкинского гения принципиально важно помнить тот важнейший факт, что Тургенев не был верующим человеком в том смысле, в каком был абсолютно верующим в Христа Спасителя Достоевский. Тургенев, верный себе, пытался быть максимально объективным и трезвым в оценках, опыт жизни на Западе давал ему возможность не увлекаться утопическими идеями о победоносном вхождении русского народа в семью европейских народов, да еще и в качестве народа ведущего и несущего миру светоч своей православной веры⁵. Интеллектуал Тургенев более трезво смотрел

⁵ В письме к Е.А.Черкасской И.С.Тургенев писал по поводу болезненного для России "балканского вопроса": "...видя на месте ненависть к нам всей Европы – нельзя наконец не углубиться в самого себя – и не признать за Россией права

на мир, и эта ясность взгляда позволяла ему увидеть, что русский народ, несмотря на весь огромный потенциал, несмотря на все свое величие и величие созданного им языка, не занял еще в семье европейских народов свое особое уникальное и ведущее место. Вспомним письмо Тургенева к графине Е.Ламберт, написанное им 21 мая (2 июня) 1861 г.: "История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся залогов всего того, что мы видим вокруг себя – только мы, действительно, продолжаем сидеть – в виду неба и со стремлением к нему – по уши в грязи. Говорят иные астрономы – что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая газообразность России меня смущает – и заставляет меня думать, что мы еще далеки от планетарного состояния. Нигде ничего крепкого, твердого – нигде никакого зерна; не говорю уже о сословиях – в самом народе этого нет" [1, т. IV, с. 326]. Достоевский же "всю свою жизнь жил с этой верой в способность русского народа к всеобъемлющему синтезу, во внутреннюю полноту и богатство Православия, в котором найдут себя в высшем, органическом синтезе все отдельные части западного христианства" [13, с. 125]. Мысли о великом предназначении русского народа зрели в писателе со времен его возвращения с каторги, в "Дневнике писателя", в статьях разных лет, мы встречаем их в более логически оформленном и завершенном виде, чем они были высказаны им в Пушкинской речи. Так, в статье, посвященной памяти французской писательницы Жорж Санд, Достоевский подчеркивал, что "величайшее из величайших назначений, уже сознанных русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству..., всечеловечеству"; в одной статье "Дневника писателя" за 1877 год он писал "о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего в нем начала", в другой же, январской книжке 1877 года, Достоевский подчеркивал, что "Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения" [12, с. 124, 254, 412]. Но русский мыслитель-богослов В.Зеньковский верно замечал, что Достоевский ошибочно приводил "вселенскую правду" "в слишком близкую связь с Россией, что Россия одна в состоянии взять на себя бремя всего мира", этим самым он как бы искусственно отделял Россию от "всего христианского мира",

поступить как ей хочется (письмо от 9 (21) ноября 1876 г., Париж) [1, т. XI, с. 349).

оставаясь во "власти христианского натурализма, во власти утопизма" [13, с. 125]. Более того, философ замечал, что "служение Православию (а Достоевский отождествлял православное и русское – Е.А.) как вселенской истине освобождается от навязчивой мессианской идеи <...> освобождается от почвенничества, ибо в самой-то почве и оказались ужасающие диссонансы и буйство..." [13, с. 140]. К этим мыслям подтолкнули ученого горький кровавый опыт истории России, от которого по благодати господней был избавлен Ф.Достоевский.

Вопрос о самоопределении России, о месте и значении ее в мире будоражил русскую общественную мысль чуть ли не с самого начала XIX века. Известное "Философическое письмо" П.Я.Чаадаева, своеобразного и глубокого выразителя дум русского интеллигентного общества, заострило те проблемы, которые легли в основу формирования двух ведущих сил в России – славянофильства и западничества. Интересно, что обе эти силы Ф.Достоевский называл "явлением историческим и в высшей степени народным". Исторический опыт показывает, что разъединяло эти партии отношение к религии, к православию в частности, что было действительно крайне существенным, а объединяла не только любовь к России, практически одинаковая забота о самобытности русского духа, о сохранении его национального своеобразия⁶, но и отношение к Западной Европе. П.Я.Чаадаев, которого по привычке охотно относят к западникам, абсолютно совпадал с Пушкиным в мыслях о самобытной неповторимости России: "Мы не Запад... Россия... не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы" (ср. со словами Пушкина: "Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою ... история ее требует другой мысли, другой формулы" [14, с. 159]). Не видели ничего общего у русского народа с европейцами и другие выдающиеся деятели философской и художественной мысли не только XIX, но и XX века, когда продолжал так громко обсуждаться вопрос о "русской идее". И Вяч.Иванов, и Н.Бердяев, и И.Ильин, и С.Булгаков писали о коренных генетически-исторических различиях между европейцами и русскими, указывали на упадок духовной культуры Запада, на разложение моральных сил европейского человечества (о "дурных идеях

⁶ Любовь к родине и отдаленность от нее сильно переживались Тургеневым, потому и чувства национальной гордости были особенно заострены у писателя. Очень лаконично и полно выразил идеи о ценности национального своеобразия И.А.Ильин, находившийся после революции в вынужденной эмиграции: "Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа". (Ильин И.А. Путь духовного обновления. – С. 240.)

и гибельных заблуждениях", которые вынесли русские из триумфального шествия по Европе после Отечественной войны 1812 г., писал тот же Чаадаев, имея в виду, что эти идеи были чужды русскому духу). Очень скромного мнения о нравственном потенциале современного ему западного общества был и западник Тургенев, упомянувший и в своей Пушкинской речи о "горьких для нас плодах" жизни западных народов. Но тем не менее, тяжело переживая все недостатки российского жизненного уклада, он желал своей стране лучшей доли, устроенности и благополучия социальных и моральных сторон жизни народа. И образцом для него оставался общественный уклад жизни Западной Европы, цивилизованность и развитость правосознания которой увлекали писателя. В азарте спора со своим непримиримым оппонентом А.И.Герценом писатель даже заявил, что "мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, "genus Euroraeum" – и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии, должны идти по той же дороге" [1, т. V, с. 67]. Достоевский же в России был первым писателем, в творчестве которого с такой мощной силой раскрылся смысл "русской идеи", который впоследствии по-разному трактовался русскими философами и религиозными мыслителями. Но Пушкинская речь его, также тщательно подготовленная, хорошо продуманная и опиравшаяся в некоторых положениях на идеи того же В.Белинского, эта речь, полная решимости Достоевского "своему делу послужить", все-таки, по верному замечанию, чуткого исследователя творчества писателя И.Волгина, принадлежит больше "сфере искусства", чем "области чистой мысли" [15, с. 392]. О чисто художественном блеске выступления Достоевского писал и Тургенев: "*Эта очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей своей страстности, речь всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия <...> Но понятно, что публика сомлела от этих комплиментов: да и речь была действительно замечательная по красивости и такту*" (выделено авт. – Е.А.) [1, т. XII, кн. 1, с. 272]. Произнесенная пламенно и страстно, она возымела небывалое воздействие на слушателей, которые по ее окончании бросились целовать и поздравлять автора. Среди этих восторгавшихся слушателей был и Тургенев, который не мог сдержать восхищения писательским и ораторским талантом своего ярого оппонента и бросился, по словам самого Достоевского, обнимать оратора. Поражен выступлением был и идеологический противник писателя, друг Тургенева, убежденный западник П.В.Анненков, который назвал Достоевского "гением". Особенный восторг и овации вызвали два тезиса Достоевского – о русском человеке и

о великом предназначении России в мировой истории: "Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, только и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите". И дальше: "О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, *всечеловечной* и *воссоединяющей*, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!" [12, с. 458].

Но успех речи был непродолжительным, быстро наступило отрезвление, и Тургенев как раз против этих ведущих и громких положений Достоевского и выступил резко и категорично. Он писал своему издателю М.М.Стасюлевичу 13 (25) июня 1880 г.: "А главное: "Мы скажем последние слова Европе, мы ее ей же подарим – потому что Пушкин гениально воссоздал Шекспира, Гете и др."? Но ведь он их *воссоздал*, а не *создал* – и мы точно также не создадим новую Европу – как он не создал Шекспира и др. И к чему этот *всечеловек*, которому так неистово хлопала публика? Да быть им вовсе и не желательно: лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным *всечеловеком*" [1, т. XII, кн. 1, с. 272]. Впоследствии в XX веке споры о национализме, космополитизме, интернационализме и "сверхнационализме" (И.Ильин) среди мыслящей русской общественности продолжались, но важным мне представляется то, что если некоторые спорные положения речи Достоевского объясняются крайним волнением человека, искренно желавшего изложить свои давно выстраданные сердцем думы, а главное, думы человека, глубоко верующего в Христа, то религиозные мыслители, находившие множество плодотворных и благодатных зерен в творчестве гениального Достоевского, к "*всечеловеку*" относились с большим опасением и неприятием. Так, например, С.Булгаков писал: "Абстрактных, космополитических *всечеловеков*, из которых состоит абстрактное человечество, вообще не существует, в действительности оно слагается из наций, а нации состояются из племен и из семей. Стоит только переложить абстрактный язык науки на конкретный язык действительности, как вся проблема о соотношении индивидуального получает перестановку и проблематичным

становится уже не существование национального рядом с общечеловеческим, как прежде, но наоборот, возможность общечеловеческого в национальном, всеобщего в конкретном" [16, с. 439–440].

В.Зеньковский уже в XX веке верно подметил, что "Европа уже не вне нас, а внутри нас, – и это относится не только к стихии культуры, но и к религиозной стихии" [13, с. 139]. Это сложилось исторически, потому и споры западников и славянофилов были неразрешимыми и бесплодными. Тот же исторический опыт расставил все по своим местам, и уже теперь никому не приходится сомневаться в том, что А.С.Пушкин – великий "национально-всемирный поэт", как и И.С.Тургенев – русский западник и великий гениальный художник мирового значения, ибо "гений всегда остается для своего народа живым источником духовного освобождения, радости и любви" [10, с. 230], а таким и является для нас творческий и духовный опыт Ивана Сергеевича Тургенева.

Литература

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. – М.; Л., 1961. Письма в 13 томах, 15 книгах. – М.; Л., 1961–1968.
2. Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2003. – 584 с.
3. Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16 т. – М., 1962. – Т. 16. – Цит. по: Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 7.
4. Ги де Мопассан. Статьи о писателях. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 79 с.
5. Джеймс Г. Женский портрет. – М., 1984. – Цит. по: Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 7.
6. Струве П.Б. Статьи о русских писателях // Русская литература. – 1992. – №3. – С. 81–104.
7. Страхов Н.Н. Биография, письма и заметки из записных книжек Ф.М.Достоевского. – СПб., 1883. – Цит. по: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Сочинения в 12 т. – Т. 12. – М.: Наука, 1986. – 814 с.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений в 30 т. – Сочинения в 12 т. – Т. 12. – М.: Наука, 1986. – 814 с.
9. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1962. – Т. 10. – 344 с. (Текст Пушкинской речи цитируется по данному изданию).
10. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Иван Ильин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 365 с.

11. Струве П.Б. И.С.Тургенев как политический мыслитель. – Цит. по: Полторацкий Н. П.Б.Струве и И.С.Тургенев (И.С.Тургенев в характеристике П.Б.Струве) // Записки русской академической группы в США. – New York, 1983. – Т. XVI. – Р. 279.
12. Достоевский Ф. Дневник писателя. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 464 с.
13. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.
14. Кожин В.В. Пушкин и Чаадаев (к истории русского самосознания) // Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 138–161.
15. Волгин И. "Колеблясь над бездной..." – М.: Центр гуманитарного образования, 1998. – 656 с.
16. Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. / С.Н.Булгаков. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – 603 с.

Л.С.Крикун

"Сонячна машина" В.Винниченка: стратегії досягнення досконалості як норми буття

Намагання пізнати, осмислити суспільство, реалізувати своє ставлення до нього супроводжувало людство на всіх етапах його історії. На нову суспільну атмосферу першої половини ХХ століття гостро зреагувала й літературна творчість В.Винниченка періоду еміграції. Він зумів виразити те, що визначило зміни в системі взаємин людини й світу, особистості й суспільства. Тому творчість письменника стала виразником ідей, настроїв, почуттів цілого покоління й належно означена "певним чином пророчою" [6, с. 8].

Досліджень, присвячених вивченню "Сонячної машини", на сьогодні маємо чималу кількість. Проте, як зазначає критик І.Гайванович, "якщо від початку письменницької кар'єри автор зосереджує свою увагу лише на особистостях, постійно ставлячи своїх героїв у межові ситуації екзистенційного вибору та мусуючи тему "чесності з собою", то першою, по суті, спробою художнього узагальнення на рівні суспільства є його роман "Сонячна машина" [3, с. 183–184]. Твір цікавий насамперед ідеєю прагнення досконалості як норми буття. З огляду на час і обставини написання твору Винниченкове зацікавлення питанням трансформації суспільства є цілком закономірним, адже руйнація усталених основ буття за умови відсутності нових конструктивних моделей існування спричинила кризу морально-духовного розвитку людства. Відтак у творі актуалізується спроба окреслити шляхи вдосконалення суспільства в контексті утопічного